

Или что-то ещё?

Внутри всё кипело, мысли неслись вихрем. Фу Чэнцы отреагировал крайне быстро. Его лицо стало мрачным, глаза полны холодных волн. Он почти немедленно отдал приказ:

— Исследовать! Проверить, не появлялись ли в последнее время в городе Линьчжан какие-либо особо свирепые хищные птицы или дрессировщики на улицах. Сообщить об этом наследнику престола, чтобы он усилил оборону.

Фу Чэнцы помолчал, затем добавил:

— Об этом нельзя распространяться. Сообщить наследнику тайно, мы поможем со стороны. И ещё о ранении Лу Це: не проболтайтесь перед Его Высочеством наследником. Скажите, что это я обнаружил.

Пэй Шо принял приказ и удалился.

Фу Чэнцы переоделся в сухую одежду и снова вернулся в комнату Лу Це. Врач уже остановил кровь и наложил лекарство. Однако от удара в солнечное сплетение и ледяной воды озера он сильно ослабел, требовался хороший отдых, иначе могли остаться хронические болезни.

Врач дал много наставлений, Фу Чэнцы, стоя рядом, кивал и запоминал.

На следующий день Сун Шуюань лично дважды приходил в гостиницу пригласить Фу Чэнцы, но тот оба раза отказывался под предлогом важных дел.

Сун Шуюань слышал от людей в гостинице, что недавно Фу Чэнцы принёс обратно невероятно красивую красавицу, но та, похоже, была серьёзно ранена. В ту ночь долго лечили врачи, едва вытащив красавицу с того света. Теперь красавица отдыхает на кровати, и Фу Чэнцы, души в ней не чая, ни на шаг от неё не отходит.

В голове Сун Шуюаня естественным образом возник образ: прямой стан, длинные конечности, под маской тонкие бледно-розовые губы, уголки глаз со слезинками, печальный и вызывающий жалость.

Он с сожалением тихо вздохнул:

— Лишь новую возлюбленную смех видеть, а старой возлюбленной слёзы не видеть.

Слухи о том, что Фу Чэнцы прячет красавицу в золотой клетке, каким-то образом дошли до ушей Лу Юя.

У тёплого пруда сидел мужчина, любующийся снегом, в парчовой одежде и с неземным темпераментом. Услышав это, он бросил горсть рыбьего корма в воду озера. Рыбы наперебой стали выпрыгивать, взбаламутив всю гладь пруда. Его лицо похолодело на три части, и он спокойно произнёс:

— В гостиницу.

Внутренний слуга отреагировал очень быстро, сразу же побежал готовить экипаж.

Когда Лу Юй приехал, с ним были только один внутренний слуга и личная охрана.

Фу Чэнцы пригласил его войти. Взгляд Лу Юя упал на плотно закрытую дверь на втором этаже,

но он незаметно отвел его, словно желая сократить дистанцию между ними. Не используя, вопреки обыкновению, самоуничижительное обращение, он сказал:

— Последние несколько дней я был занят поминовением старого генерала, да и в Линьчжане много больших и малых дел, так что совсем тебя забросил. Раньше я привёз тебе из столицы еду, которую ты любил в детстве. Спустя столько времени она тебе всё ещё нравится?

Слова Лу Юя были полны глубокого смысла. Фу Чэнцы погрузился в те воспоминания: он жил в столице с матерью, тогда Лу Юй был его единственным товарищем по играм, их отношения были очень хорошими. Но неведомо когда эти чувства изменились, одновременно превратившись в его сердце в нечто невыразимое.

— Сколько бы ни прошло, мне всё нравится, — блеск в глазах Фу Чэнцы превратился в приглушённый свет, мгновенно исчезнувший в улыбке, расплывшейся на его губах. Она была подобна весеннему ветру.

Фу Чэнцы сидел с ним на первом этаже. Лу Юй сидел напротив, спина прямая, ни словом не обмолвившись о слухах про спрятанную раненую красавицу.

Лу Юй слегка нахмурил брови, его взгляд стал серьёзным:

— Я проверил. В Линьчжане появился кречет.

— Кречет? — нахмурился Фу Чэнцы. — Удалось выяснить происхождение? Кречет не мог просто так появиться в Линьчжане, у него наверняка есть хозяин.

Лу Юй, поглаживая гладкий подбородок, задумчиво произнёс:

— Пока неизвестно. Нужно ещё немного времени. Боюсь, время не ждёт.

Фу Чэнцы тоже замолчал, пальцы потирали гладкий край чашки. Очевидно, его тревожило то же, что и Лу Юя.

Ночью Лу Це очнулся. В комнате не горел свет, ночь была безветренной, окно приоткрыто, лунный свет падал внутрь, и в глазах вырисовывался неясный силуэт человека.

Услышав его движение, тот зажёл свет и подошёл. После тяжёлой болезни щёки Лу Це стали ещё более исхудавшими, чем раньше, ресницы отбрасывали тень на лицо, цвет лица серо-синий, даже те персиковые глаза потеряли свой переливчатый блеск, став тусклыми.

Фу Чэнцы напоил его водой. Некоторое время оба молчали, атмосфера была напряжённой и странной. Лу Це ненадолго пришёл в себя, затем снова погрузился в глубокий сон. Фу Чэнцы вышел из комнаты, пальцами потеряв переносицу, под глазами виднелись кровавые прожилки, он выглядел очень уставшим. В холодной ночи выдыхаемый белый пар быстро рассеивался. Он отдал приказ Пэй Шо:

— Он очнулся, присмотри за ним.

Только к следующему утру Лу Це полностью пришёл в себя. С делом о кречете появились зацепки, последние два дня Фу Чэнцы ежедневно бегал в усадьбу Цзи. Дело касалось государственных интересов, нельзя было халатно относиться. Сегодня обсуждение прошло быстро, поэтому он вернулся рано.

Пэй Шо сообщил ему, затем направился прямо на второй этаж. Мужественное лицо мужчины было холодным, как иней, одежда не снята, выглядел он непринуждённо и собранно.

Из комнаты доносился тихий разговор. Врач закончил проверять пульс Лу Це, но шаги Фу Чэнцы замерли у двери.

Когда в комнате воцарилась тишина, он наконец вошёл. Под глазами была лёгкая тёмная синева, он выглядел усталым с дороги, волосы были убраны в нефритовую корону, лицо мужественное и красивое, глаза ясные и яркие, незабываемые.

— В тот день в беседке Чэнсинь, прости, — проговорил Фу Чэнцы низким голосом.

Он сам взял у него чашку с отваром и начал поить Лу Це ложка за ложкой. Уголки глаз были слегка изогнуты, взгляд был необычайно сосредоточенным. При близком рассмотрении черты его лица были очень выразительными.

Лу Це лежал на кровати, половина тела не двигалась. Сейчас, чувствуя на себе нескрываемый взгляд Фу Чэнцы, он через некоторое время поднял уголки губ в трудную улыбку.

* * *

Лу Це опустил веки, избегая взгляда Фу Чэнцы. Его голос был хриплым после болезни:

— В тот день в переулке я увидел кречета. Я вступил в схватку с его хозяином. Тот человек, вероятно, из Управы Цяньцзи Великой Чжоу.

После этих слов оба одновременно замолчали. Чашка с отваром скоро опустела. Фу Чэнцы налил ему стакан тёплой воды, чтобы промочить горло. Лу Це взял его, их пальцы на мгновение коснулись, словно стрекоза, коснувшаяся воды, и тут же исчезли. Фу Чэнцы открыто рассматривал его лицо. Тёмные, как чернила, глаза Лу Це были чёрными и яркими, унаследовав красоту матери. Когда глаза слегка прищуривались, они подчёркивали длинные узкие брови, незабываемые, волнующие душу своей густотой.

Фу Чэнцы указал на кувшин с водой вдали, тот покачал головой, показывая, что не нужно. Он сказал:

— Об Управе Цяньцзи я кое-что слышал, но как ты можешь быть уверен?

На лице Лу Це промелькнула тень странности, но он всё же объяснил:

— Моя мать рассказывала мне. В Великой Чжоу есть непубличный внутренний отдел под названием Управа Цяньцзи, учреждённый лично Государственным наставником. Он собирает талантливых и необычных людей со всех земель и использует их.

Он сделал паузу, затем выложил всё своё беспокойство:

— Тот, с кем я сражался, казалось, действовал в одиночку. В Управе Цяньцзи это указывает на абсолютный статус. И хотя он держал кречета, место, где он жил, было довольно оживлённым, словно он был уверен в своей безопасности. Боюсь, в городе уже много их сообщников.

Фу Чэнцы изучающе посмотрел на него, взгляд стал глубоким:

— Дело касается двух государств. Как я могу тебе верить?

Горькая улыбка тронула губы Лу Це, он провёл языком по внутренней стороне рта. Эта улыбка была полна бесконечной насмешки:

— Я сказал всё, что хотел. Верите вы, ван, или нет — дело ваше.

Фу Чэнцы увидел, как краснота внезапно окружила его глаза, и тоже замолчал.

Между ними витало молчаливое напряжение, стгутившееся в немую стену. Никто не решался сделать первый шаг, чтобы разрушить этот барьер.

Лу Це уткнулся лицом в подушку, ясно выражая нежелание разговаривать. Фу Чэнцы тихо вздохнул, поправил уголки одеяла, встал и вышел.

Лу Це поднял голову с подушки, облизнул сухие губы, его растерянные глаза уставились на потолочную балку. В комнате по-прежнему ярко горел свет. Дверь закрылась, отгородив от шума и суеты внешнего мира.

Однако Фу Чэнцы, словно чувствуя угрызения совести, каждый раз, возвращаясь, делал крюк по главной улице Линьчжана, покупал разные угощения и ел их вместе с Лу Це. Это чувство заботы приносило ему небывалое удовлетворение.

* * *

Когда снова обыскали переулок, где произошёл инцидент, не нашли никаких полезных следов. Лу Юй отправил доклад императору Чэндэ, и гонцы помчались в столицу.

Однако, когда сообщение достигло столицы, одновременно пришли известия, что Великая Чжоу собирает войска у границы — это были признаки приближающегося вражеского вторжения!

В этой главе Сяо Фу действительно подлец.

Жалко Лу Це.

<http://bllate.org/book/15603/1392784>